

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

Э. А. Рикман

О НАЧАЛЕ РАССЕЛЕНИЯ И ЭТНИЧЕСКИХ КОНТАКТАХ ПРАСЛАВЯН В КАРПАТО-ДУНАЙСКИХ ЗЕМЛЯХ

Вопрос о начале расселения праславян в Карпато-Дунайском регионе остается дискуссионным, как и представление о начале их участия в этнокультурных процессах в регионе и заселении Балкан.

Мнения ученых по этому поводу можно подразделить на три группы. Одни исследователи, например Л. Нидерле, Г. Б. Федоров, С. Б. Бернштейн, И. И. Ляпушкин, Б. А. Рыбаков¹ и др. полагают, что это расселение произошло в период существования Римской империи в первых веках н. э. В. И. Бидзиля даже писал о «славянской колонизации дунайского левобережья, относящейся ко времени III—V вв. н. э.»². Высказано мнение, что в первые века н. э. в контакт с Римом вступили не праславяне, а якобы восточные славяне³.

В последнем десятилетии наиболее широко распространилось мнение, что заселение левобережья Нижнего Дуная праславянами началось с V или VI в. н. э. Так считает современный румынский ученый Г. Теодор Дан, а также советские авторы И. А. Рафалович, И. П. Русанова, В. В. Седов, Г. Г. Литаврин⁴.

К третьей группе я отношу лингвистов, которые синтезируют оба приведенных выше мнения. Так, Э. Петрович считал, что разрозненные группы праславян проникали в

¹ Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, с. 51, 54, 57; Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н. э.— «Материалы и исследования по археологии СССР», № 89. М., 1960, с. 13, 14; С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, с. 62, 76; И. И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства.— «Материалы и исследования по археологии СССР», № 152. Л., 1968, с. 9; Б. А. Рыбаков. Языческое мировоззрение русского средневековья.— «Вопросы истории», 1974, № 1, с. 18.

² В. И. Бидзиля. Этническая карта Восточной Европы первой половины I тысячелетия н. э.— «Становление раннефеодальных славянских государств». Киев, 1972, с. 23.

³ А. В. Десницкая. К вопросу о балканизмах в лексике восточнославянских языков.— «Славянское языкознание». М., 1978, с. 163, 164.

⁴ См., например: Г. Теодор Дан. Некоторые вопросы относительно ранних славян в Карпато-Дунайской территории в VI—VII вв. Доклад на симпозиуме ученых социалистических стран по проблеме «Этногенез славян» 20—25 ноября 1978 г. в г. Киеве. В этом докладе изложены также взгляды румынских авторов о начале заселения праславянами Карпато-Дунайских земель; И. А. Рафалович. Славяне VI—IX веков в Молдавии. Кишинев, 1972, с. 29, 30; И. П. Русанова. Славянские древности VI—VII вв. М., 1976, с. 188; В. В. Седов. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979, с. 100; Г. Г. Литаврин. Этническое самосознание южных славян в VII—X вв.— «История, культура, этнография и фольклор славянских народов». М., 1978, с. 246. Г. Г. Литаврин считает, что праславяне начали расселяться в левобережье Нижнего Дуная в середине V в. н. э.

регион до VI в. н. э., но их массовое расселение в нем произошло только в середине VII в.⁵ Н. Д. Раевский писал, что праславяне вступили в контакт с латинянами уже в периоде существования траяновой Дакии; этот контакт продолжен с VI в. н. э., когда встретились дунайская латынь, функционировавшая до V—VI вв., с праславянским, распространившимся в VI—VII столетиях⁶.

Какими же данными о начале расселения праславян — венедов (о соотношении этих этнонимов см. ниже) в регионе располагают исследователи?

Ссылаясь на свидетельство Тацита конца I в. н. э., что венеды «ради грабежа рыщут по лесам и горам, какие только ни существуют между певкинами и феннами» (финнами.— Э. Р.)⁷, некоторые ученые предполагают, что венеды проникли в рассматриваемый район на рубеже н. э. Однако Тацит писал не об обитании, а только о набегах венедов. И так как одна группа певкинов находилась в устье Дуная, а фенны обитали от них на огромном расстоянии, районы, куда совершали набеги венеды, вряд ли можно определить с достоверностью. Кроме того, по данным Птолемея, к северу от Карпат обитала еще одна группа певкинов⁸, и вероятнее, что венеды совершали набеги в районы, лежащие между расселением этой последней, ближе к ним расположенной группы певкинов и феннами.

Некоторые ученые пытаются обосновать расселение венедов на рубеже н. э. в низовьях Днестра и Дуная, приписав им культуру Поянешть — Лукашевка, памятники которой обнаружены в этом районе. Для такого вывода нет оснований. Ведь эта культура не является специфически венедской, но, переплетенная с гетско-бастарнской культурой, она связана с широким кругом культур юго-восточной и северо-восточной Европы⁹.

Зону обитания венедов, ссылаясь на те же приведенные выше слова Тацита, ищут не только в Нижнем Подунавье, но также в Полесье, на Волини¹⁰ и в Подолии¹¹, где представлены памятники зарубинецкой культуры I в. н. э., а в конце I и II в. н. э. «единственным археологическим признаком этих венетов является отсутствие археологических памятников в зоне их обитания»¹². Итак, попытки локализовать приведенное выше свидетельство Тацита о венедах, опираясь на данные археологии, не дали убедительных результатов.

Пока исследователям не удалось доказать, что борьба праславян (венедов) и антов с готами в IV в. н. э., описанная Иорданом, происходила в Карпато-Дунайских землях, в Нижнем Подунавье, Е. Ч. Скржинская склоняется к мнению, что анты могли обитать между Днестром и Днепром, на Нижнем Днепре¹³. Возможно также, что Иордан как бы спроецировал в IV в. н. э. события VI в. н. э.¹⁴

Исследователи, начиная с П. И. Шафарика, пытаются доказать факт расселения праславян в Нижнем Подунавье и даже в Северном Причерноморье, опираясь на данные, содержащиеся в «Слове о полку Игореве».

В «Слове» имеются выражения («земля Трояня», «Века Трояни», «седьмой век Трояний», «Тропа Трояня»), трактуемые как доказательства территориального сближения праславян с Римской империей и как следствие культурного и экономического подъема венедов¹⁵. Трактовка «Трояня» как видоизменения имени римского императора Траяна более убедительна, чем представление о Трояне как о древнерусском языческом

⁵ E. Petrovici. Le latin oriental possédait-il des éléments slaves? — «Revue roumaine de linguistique», t. XI, № 4, 1966, p. 313.

⁶ Н. Д. Раевский. Реферитор ла контактул лингвистик романо-протослав ши ла термений молдовенешть моштенить де орижине славэ.— «Романо-славянские языковые отношения и параллели». Кишинэу, 1978, п. 53, 55.

⁷ Tacit. Germ., 46.

⁸ Ptol., III, V, 7.

⁹ М. И. Артамонов. Вопросы расселения восточных славян и советская археология.— «Проблемы всеобщей истории». Л., 1967, с. 46.

¹⁰ М. Б. Щукин. Археологические данные о славянах II—IV вв.— «Археологический сборник», 17. Л., 1976, с. 78.

¹¹ Д. А. Мачинский. К вопросу о территории обитания славян в I—VI веках.— Там же, с. 91.

¹² Там же, с. 94.

¹³ «Иордан о происхождении и деяниях гетов».— «Getica». М., 1960, § 119, 246—250; с. 90, 115, сноски 610.

¹⁴ И. И. Ляпушкин. Указ. раб., с. 17.

¹⁵ Б. А. Рыбаков. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972, с. 427—437.

божестве¹⁶. Ведь «Троян» упоминается в «Слове» в ряду конкретных исторических деятелей — Ярослава Владимировича и Олега Святославича. Кроме того, вопреки мнению, будто «автор «Слова о полку Игореве» менее всего озабочен исторической достоверностью событий, о которых рассказывает»¹⁷, укажем, что в его художественном повествовании нашли место конкретные факты из истории Северного Причерноморья римской эпохи: «Бус»—«Боз» или «Бож»—антский вождь IV в., «хинове»—гунны. В этой системе персонажей понятно и упоминание именно римского императора Траяна, но не древнерусского языческого божества Трояна, которого обоснованно не причисляют к древнерусскому пантеону Б. А. Рыбаков и другие исследователи¹⁸. К признанию историчности упоминаний о «Трояне» подталкивает нас и реальное содержание слов, используемых совместно со словом Троян: «века» и «земля»¹⁹.

Таким образом, в «Слове» отразился образ императора Траяна. Но свидетельствует ли упоминание Трояна в «Слове» о контакте праславян с римлянами уже в первые века н. э.? Нет. Легенды о Траяне столетиями жили²⁰ (и сейчас живут) в сознании населения, в особенности Нижнего Подунавья!

Упоминания о Траяне, а также о Боже и гуннах, могли в римскую эпоху попасть в устнопоэтические или литературные произведения не только праславянских, но ирано-, германо-, латино- и даже тюркоязычных сочинителей, и по прошествии 800—1000 лет, в конце XII в., этими произведениями мог воспользоваться автор «Слова». Так что эти упоминания не связаны непременно с праславянской средой. Итак, доводы, извлеченные из «Слова» относительно праславяно-римского контакта при императоре Траяне, недостаточно достоверны.

Обосновывая свое мнение о расселении праславян в первые века н. э. в Карпато-Дунайских землях, в начале XIX в. П. И. Шафарик, а в наши дни В. П. Кобычев и В. В. Мавродин ссылаются на существование на них праславянских топонимов.

В этой связи наиболее часто привлекают топоним Peiso — (у Плиния — конец I в. н. э.²¹) Pelso (у Аврелия Виктора — IV в. н. э.²²), выводимый учеными из праславянского Pleso, Плэсо — «открытая, широкая часть течения реки»²³, «глубокое место в реке, речное озеро». Ф. П. Филин, приведший последнюю этимологию, оспаривает связь античного Pelso и современного Pleso, замечая: «...происхождение слова не известно». Однако доводы в пользу такого утверждения не приведены²⁴. Между тем pel составляет часть топонимов: фракийского Pelendova²⁵ и иллирийского Pelva²⁶.

Ряд исследователей предполагают, что Плэсом именовалось озеро Балатон²⁷. Но по мнению Е. Ч. Скржинской, использующей данные Иордана, оз. Pelsois находится у устья Дравы²⁸. Таким образом, рассматриваемый гидроним исследователи локализируют в Среднем Подунавье. По-видимому, этот гидроним может быть доводом в пользу обитания в Среднем Подунавье на территории Альфельда²⁹ фракийско-иллирийской груп-

¹⁶ Д. С. Лихачев. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978, с. 103—105.

¹⁷ И. П. Еремич. Литература древней Руси. М.—Л., с. 156.

¹⁸ Е. В. Аничков. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914, с. 329—342; Мнение И. Г. Добродомова, что хинове — половцы, нуждается в дополнительном обосновании, ибо сами половцы упомянуты в «Слове». См. И. Г. Добродомов. О половецких этнонимах в древнерусской литературе.— «Тюркологический сборник, 1975». М., 1978, с. 126, 127.

¹⁹ В. Л. Виноградова. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», в. 1. М.—Л., 1965, с. 95, 96; в. 2. М.—Л., 1967, с. 123—132.

²⁰ М. Н. Тихомиров. Боян и Троянова земля.— «Слово о полку Игореве». М.—Л., 1960, с. 183.

²¹ Plin., III, 24.

²² Aurel. Vict. Epitome de Caesaribus, 40, 9.

²³ М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т. III. М., 1971, с. 280.

²⁴ Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М.—Л., 1962, с. 121. Из устного сообщения В. А. Никонова и О. Н. Трубочева стало известно, что они также оспаривают праславянскую принадлежность этого гидронима.

²⁵ I. I. Russu. Limba traco-dacilor. București, 1967, p. 115.

²⁶ I. I. Russu. Ilirii. București, 1969, p. 233.

²⁷ П. И. Шафарик. Славянские древности, т. I, кн. 1. М., 1837, с. 106; кн. 2, М., 1837, с. 117; кн. 3. М., 1838, с. 229; Ф. П. Филин. Указ. раб., с. 121; В. В. Мавродин. Происхождение русского народа. Л., 1978, с. 40.

²⁸ Иордан. Указ. раб., примечание 677, с. 337, 338.

²⁹ Альфельд — восточная низменная часть Венгрии. См. Э. А. Рикман. Некоторые вопросы романизации населения левобережья Нижнего Дуная в первой половине I тыс. н. э.— «Славяно-волошские связи». Кишинев, 1978, с. 46—64.

пы, которая в середине V в. н. э., во времена Атиллы, смешавшись с праславянами, оказалась отраженной в описании путешествия Приска Панийского³⁰.

В Карпато-Дунайской области широко распространены³¹ топонимы с корнем *bustr, bistr, Bustricius* (VII в. н. э.)³², *Bistra, Bistrefu, Bistricioara, Bistrița* — Быстрая, Быстрица и т. д. Рассматриваемые термины локализируются на левом берегу Нижнего Дуная, на южной и в особенности северо-восточной гряде Карпат³³. Форма *bistr* имеется в праславянском лексическом фонде, в частности для обозначения течения, фарватера реки³⁴. Таким образом, топонимы с основой *bistr* привнесены в Карпато-Дунайские земли праславянами, но пока трудно отделать те, что привнесены в римское время, от послеримских, ибо праславянский язык существовал до VII³⁵ или VIII в. н. э.³⁶

В качестве праславянского топонима римского времени исследователи приводят название муниципума *Dierna* (у Птолея)³⁷, *Tierua* (на Певтингеровых таблицах)³⁸, *Zernpensium colonia* (у Ульпиана, начало III в. н. э.)³⁹, *Tsierna, stationis Tsiernen* (упоминается в римской надписи 157 г. н. э. на мраморной плите и в других римских источниках II в. н. э.). Рассматриваемый топоним считают фракийским⁴⁰, обоснованно сопоставляя его с гидронимом Черна, Черная, левым притоком Нижнего Дуная в Южном Банате (Румыния) и с названием города на берегу этой реки — Чернец⁴¹ (ныне Оршо-ва). По-видимому, фракийский топоним *Dierna* и т. д. был переосмыслен позже в праславянский гидроним Черна, Черная⁴². Однако пока нельзя установить, в римское или послеримское время произошло переосмысление.

Топоним и гидроним *Zlatna*⁴³ (в Трансильвании) также иногда причисляют к праславянским названиям римского времени. Это наименование населенного пункта и реки, на берегу которой во II в. н. э. находился римский муниципум Ампелум, что, вероятно, и вызвало отнесение топонима *Zlatna* к римскому времени. Формы *zlate, zlati, zlat* Э. Петрович обоснованно считает южнославянскими, болгарского типа⁴⁴. Упомянутые южнославянские топонимы относят к IX—X вв. н. э.⁴⁵

Итак, рассмотрение четырех топонимов также не дало убедительных доводов для обоснования утверждения о расселении праславян в Карпато-Дунайских землях в римскую эпоху. Ниже о тех же событиях приведены более достоверные сведения.

Об обитании праславян на левобережье Нижнего Дуная могут свидетельствовать факты лексического обмена между праславянским и германскими, прежде всего готским, языками.

Так, еще П. И. Шафарик показал циркуляцию слов из готского в праславянский и наоборот, отметив, что праславянские слова содержатся в библии Ульфилы, переведенной на готский язык около 350 г. н. э. Приведенное выше мнение П. И. Шафарика нашло полное признание у современных лингвистов и историков.

Некоторые заимствованные праславянами у готов термины связаны с христианством: «церковь»⁴⁶, «господь», «крест». Заимствования эти В. Георгиев объясняет возможным

³⁰ И. И. Ляпушкин. Указ. раб., с. 9. Славянские напитки «медос» и «камос» у гуннов упоминает Приск Панийский. *Приск Панийский*. Готская история, 8.—«Вестник древней истории», 1948, № 4, с. 253.

³¹ I. Jordan. *Toponimia românească*. București, 1963, p. 122.

³² Anon. *Rav.*, IV, 19; П. И. Шафарик. Указ. раб., т. I, кн. 2, с. 122.

³³ *Balkánské státy* (карта). Praha, 1963.

³⁴ «Этимологический словарь славянских языков», в. 3. М., 1976, с. 153. Знак * обозначает реконструированное слово.

³⁵ Ф. П. Филин. Указ. раб., с. 110.

³⁶ Н. Д. Раевский. Указ. раб., с. 62.

³⁷ Ptol., III, VIII, 4.

³⁸ K. Miller. *Itineraria romana*. Stuttgart, 1916, S. 546, Kapte 171.

³⁹ *Digesta*, L, XV, 1, 8.

⁴⁰ I. I. Russu. *Limba traco-dacilor*, p. 102.

⁴¹ П. И. Шафарик. Указ. раб., т. I, кн. 2, с. 118, 119; «Очерки древней истории протославян», гл. вторая. М., 1851, с. 32, 33.

⁴² М. Фасмер. Указ. раб., т. IV. М., 1973, с. 346.

⁴³ В. П. Кобычев. В поисках прародины славян. М., 1973, с. 60, 61; V. Butură. *Et-nografia poroşului român*. Cluj — Napoca, 1978, p. 51.

⁴⁴ Э. Петрович. Славяно-болгарская топонимика на территории Румынской Народной Республики.—«Romanoslavica», I. București, 1958, p. 18.

⁴⁵ «Istoria României», I. București, 1960, p. 747.

⁴⁶ Ф. П. Филин. Указ. раб., с. 104, 106.

восприятием праславянами у готов религии или только ее терминологии⁴⁷. Б. А. Рыбаков увереннее трактует рассматриваемые заимствования (слова «господь» и «церковь» в готской огласовке) как свидетельства восприятия праславянами христианства через посредников — готов⁴⁸.

Кроме того, праславяне восприняли у германцев, особенно готов, обозначения форм государственной власти (князь, цесарь), обилия, богатства (гобзь), мелких монет (пейязь и цята), оружия (меч, шлем), пищевой приправы — укуса (оцет). Таким образом, в первых веках нашей эры праславяне испытали сильное влияние германцев, в частности вестготов — тервингов⁴⁹. Такой вывод недавно поддержали В. В. Мавродин и Г. А. Хабургаев, а В. В. Мартынов присоединился к мнению о восприятии германцами праславянских слов⁵⁰.

Вероятность праславянско-готского контакта усиливается после установления контакта прото-, праславян с италиками и латинянами. Контакт протославян и италиков происходил в период формирования протославянского языка с III тыс. до н. э. в южной зоне Центральной Европы (О. Н. Трубочев) или с начала II тыс. до н. э., с эпохи бронзы (В. В. Мартынов)⁵¹. Сдвиг италиков к югу произошел позднее. В связи со сказанным приобретает значение мнение О. Н. Трубочева о древнем обитании протославян на Дунае, рядом с предполагаемой прародиной индоевропейцев⁵². Правильнее предполагать простираание протославянского ареала к Дунаю.

Обитание протославян и италиков в одном историко-этнографическом регионе, по соседству, вызвало параллельное появление у первых и вторых сходных языковых феноменов. Речь идет именно о параллельном возникновении, а не о заимствованиях.

Так, О. Н. Трубочев и В. В. Иванов заключают об италийско-протославянских контактах на основании обнаруженных в протославянском языке италийских терминов, относящихся к гончарному горну⁵³. Этот вывод О. Н. Трубочев подкрепляет этнографическими данными, ссылаясь на данные, приведенные Чекановским.⁵⁴

Некоторые италийско-протославянские параллели предполагает В. Н. Топоров. Они относятся к сферам хозяйства (*lanifica* — *vlъno dělja — делать волну; *regia* — скотный двор, а также слова с корнем *rězъ), быта (*domisēda* — *domosēdъ; *fēmina rūdīca* — робкая, пудлива жена; *ixogem dūcere* — *po-jeti ženō — по-яти жену, водить жену; *gege* — *gaziti, *po-gaziti — бросать, попасть в цель), ритуалов (*regiones* для определения судьбы римскими авгурами сопоставляются с протославянскими предсказаниями по резам)⁵⁵. Кроме того, исследователи усматривают аналогии и в других фактах лексики, словообразования и этимологии италийского и протославянского языков⁵⁶. Аналогии в италийском и протославянском языках свидетельствуют, как указывают лингвисты, о территориальном соседстве соответствующих этнических общностей на стадии разделения индоевропейской общности.

Однако в настоящей работе важнее установить факт прямых языковых связей латиноязычного населения дунайских провинций Римской империи и праславян, что

⁴⁷ В. И. Георгиев. Трите фази на славянската митология.— «Изследования в чест на академик Михаил Арнаудов». София, 1970, с. 474, 475.

⁴⁸ Б. А. Рыбаков. Языческое мировоззрение русского средневековья, с. 18.

⁴⁹ Ф. П. Филин. Указ. раб., с. 104, 106.

⁵⁰ В. В. Мавродин. Указ. раб., с. 27; Г. А. Хабургаев. Становление русского языка. М., 1980, с. 58—60; В. В. Мартынов. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. Минск, 1963, с. 108—156.

⁵¹ В. В. Мартынов. Балто-славяно-италийские изоглоссы. Минск, 1978, с. 6, 8.

⁵² О. Н. Трубочев. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян.— «Вопросы языкознания», 1974, № 6, с. 50.

⁵³ О. Н. Трубочев. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, с. 197, 200, 201; В. В. Иванов. Язык как источник при этногенетических исследованиях и проблематика славянских древностей.— «Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев». М., 1976, с. 31.

⁵⁴ J. Czekanowski. Wstęp do historii Słowian, w. 2. Poznań, 1957, s. 412, 413.

⁵⁵ В. Н. Топоров. Славянские комментарии к нескольким латинским архаизмам.— «Этимология». М., 1974, с. 6—8, 12—17.

⁵⁶ J. Sajarewicz. Przedhistoryczne związki językowe italsko-słowiańskie.— «Rocznik slawistyczny», t. XXIII, cz. 1, 1964, s. 1925; О. Н. Трубочев. Несколько древних латинско-славянских параллелей.— «Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков (12—14 декабря). Предварительные материалы». М., 1972, с. 82—84.

служило бы свидетельством расселения последних в Нижнем Подунавье. Такие факты лингвистами приведены. Так, Э. Петрович заключает, что из дунайской латыни заимствованы праславянским языком слова *koļēda*, *komūkati*, *roganīnū*, производимые от латинских слов *calendae*, *communicare*, *raganus* (календарный праздник; общение; язычник)⁵⁷.

Н. Д. Раевский анализирует 36 слов, заимствованных праславянским из дунайской латыни, обоснованно относя их к области христианской религии, к обозначениям растительного и животного мира, хозяйственных объектов, пищевых продуктов, системы социальных, в частности родственных, связей⁵⁸. Н. Д. Раевский показал, что упомянутые слова, обозначая инновации, восприняты праславянским из дунайской латыни без посредничества других языков, через живую речь. Такое восприятие предполагает прямой территориальный контакт взаимодействующих этнических общностей. Упомянутые выше авторы обогащение праславянского языка в римский и послеримский периоды не различают. Но Г. Ивэнеску установил, что слова *luna*, *lunatic* и некоторые другие были восприняты именно с VI в. н. э.⁵⁹

Праславянский язык в свою очередь обогатил дунайскую латынь. Из праславянского происходят слова, дошедшие до нашего времени в ее наследнике — румынском языке: *șchiau* — славянский этноним, *jurin* — глава, хозяин, *stărin* — хозяин, *stînă* — загон для овец, *smîntînă* — сметана, *măgură* — холм, *mătură* — метла и т. д. Э. Петрович предполагал, что распространение в дунайской латыни праславянских слов *žura*, *žurapu* свидетельствует, что романизированное население включалось в какие-то славянские межплеменные союзы⁶⁰.

И. Пэтруц добавил к списку Э. Петровича слова: *sută* — сто, *baltă* — болото, *gard* — забор⁶¹, а Н. Д. Раевский — термины: *кэпутэ* — ступня, *балтэ* — болото, *бэл* — белый — румынские и молдавские слова, происходящие от праславянских, обогативших в древности дунайскую латынь. Одни воспринятые термины относятся к области нововведений, например прототипы слов «жупын» или «шкяу», другие стали синонимами ранее употреблявшихся латинских слов. Праславянские термины закреплялись в дунайской латыни благодаря их однозначности⁶².

Культурное взаимовлияние праславян и романского населения региона в рамках культур Братей, Ипотешть-Кындешть или Костиша-Ботошана пытаются проследить также и по археологическим данным⁶³.

На левом берегу Нижнего Дуная праславяне могли войти в этнолингвистический контакт с обитавшими в этой зоне нероманизированными гето-даками и аланами; на возможность такого контакта на других территориях обратил внимание В. В. Седов⁶⁴.

Где же обитали праславяне? На этот вопрос пытался ответить уже П. И. Шафарик. Исходя из факта языкового взаимодействия праславян и готов, он заключил, что «славяне еще до IV столетия соседнили с готами в Европе», считая, что праславяне обитали «в окрестностях Дакии», «в землях подунайских»⁶⁵. По-видимому, П. И. Шафарик полагал, что праславяне населяли территорию левобережья Нижнего Дуная. Это мнение поддержано некоторыми учеными наших дней, но они по данному вопросу высказались по-разному и нечетко. Так, В. Георгиев полагает, что праславяне «жили на севере от Дуная»⁶⁶. Э. Петрович пишет об обитании праславян на Балканском полуострове и на

⁵⁷ E. Petrovici. Указ. раб., с. 313.

⁵⁸ Н. Д. Раевский. Указ. раб., с. 56.

⁵⁹ G. Ivănescu. Les plus anciennes influences de la romanité balkanique sur les slaves: luna «lune», lunatic «sommnambule», etc.— «Romanoslavica», I. București, 1958, p. 44—51.

⁶⁰ E. Petrovici. Указ. раб., с. 315—321; О. Н. Трубочев считает, что слово *jurin* (žuran) аварского (тюркского) происхождения. См. О. Н. Трубочев. Этимология, 1965. М., 1967, с. 73.

⁶¹ I. Pătruț. Primele relații slavo-romano-grecești și durata limbii slave comune.— «Romanoslavica». București, XVII, 1970, p. 24.

⁶² Н. Д. Раевский. Указ. раб., с. 65, 66, 72, 73.

⁶³ Г. Теодор Дан. Указ. раб.

⁶⁴ В. В. Седов. Славяне и иранцы в древности.— «История, культура, этнография и фольклор славянских народов». М., 1978, с. 229—231.

⁶⁵ П. И. Шафарик. Указ. раб., т. I, кн. 1, с. 86, 87; т. I, кн. 2, с. 123.

⁶⁶ В. И. Георгиев. Указ. раб., с. 474, 475.

обоих берегах Нижнего Дуная⁶⁷. Н. Д. Раевский полагает, что праславяне расселились в левобережье Дуная: от его устья до Паннонии⁶⁸.

Б. А. Рыбаков зону контакта между Римской империей и праславянами и соответственно зону обитания последних усматривает в 500 км к северу от Дуная, в Прикарпатье, в Поднепровье, на Волыни, в Северо-Западном Причерноморье и Подунавье⁶⁹. Таким образом, географическая локализация праславян разнообразна, но для настоящей работы существенно, что и этот исследователь локализует праславян и в Северо-Западном Причерноморье, Подунавье. Но не ясно: какая же часть Подунавья имеется в виду? Кроме того, если считать, что праславяне обитали в зоне контакта с Римской империей, то очевидно, что некоторые упомянутые Б. А. Рыбаковым области не входили в эту зону.

Наиболее ясные данные о расселении праславян в рассматриваемом регионе содержатся в Певтингеровых таблицах — римских дорожных картах, составленных на основе хронологически разнородных источников. На таблицах между Дунаем (Danubius) и Днестром (Agalingus) к юго-востоку от Карпат в направлении с северо-запада на юго-восток показаны последовательно: *piri, gaete, dacae, venedi*, т. е. гепиды (см. ниже), геты, даки и венеда; укажем, кстати, что общая картина расположения племен передана довольно правильно. Праславяне (венеда) четко отделены от германцев (гепиды), фракийцев (геты, даки), от сарматов (роксоланы), и нет оснований опасаться, что наименование «венеда»⁷⁰ охватывает этнически разнородные племена.

Полагают, что небольшие группы венеда переселились из южной Прибалтики в Подунавье с конца II в. н. э. по перевалам в Карпатах и по путям, шедшим к востоку от этих гор⁷¹.

Наименование «венеда» выходит из употребления в начале VI в. н. э., когда Псевдо-Цезарь, восточнокилийский автор «Диалогов», упоминает «склавинов», называвших себя «подунайцами»⁷². С этого времени вместо термина «венеда» стали применять термины «склавины» и «анты»⁷³.

Гепиды обозначены в Прикарпатье⁷⁴. Они переселились в Карпато-Дунайские земли в середине III в. н. э. Следовательно, данные о них на карте не могут относиться к более раннему времени. Первоначально они расселились на северных и восточных склонах Карпат, затем в верхнем течении Тиссы, а в середине V в. — в Трансильвании. Данные о гепидах исчезают из литературных источников в первой половине VII в. н. э. Что касается гетов и даков, то литературные источники перестают о них упоминать после конца IV в. н. э.⁷⁵

Мнения о времени составления таблиц расходятся. Одни исследователи полагают, что таблицы восходят к началу н. э.⁷⁶, другие — что к концу III в. н. э.⁷⁷, третьи, — что к середине II—IV в. н. э.⁷⁸ Я думаю, что наиболее вероятная дата интересующего нас листа Певтингеровых таблиц определяется тем, что уже существовали (начало II в. —

⁶⁷ Е. Petrovici. Указ. раб., с. 313.

⁶⁸ Н. Д. Раевский. Указ. раб., с. 61, 62.

⁶⁹ Б. А. Рыбаков. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве», с. 430—433, 436; *его же*. Языческое мировоззрение русского средневековья, с. 18.

⁷⁰ Венеда считали славянами П. И. Шафарик, Л. Нидерле, М. И. Артамонов и др.; П. И. Шафарик, однако, писал, что «славяне никогда сами не употребляли названия Виндов или Вендов, напротив, так называли их одни только немцы, а потому и слово это есть не славянское, а немецкое». П. И. Шафарик. Указ. раб., т. I, кн. 1, с. 139, 161; т. II, кн. 3. М., 1848, с. 211; Л. Нидерле. Указ. раб., с. 39; М. И. Артамонов разделяет это мнение с оговорками. М. И. Артамонов. Указ. раб., с. 39; И. И. Ляпушкин. Указ. раб., с. 6, 74; Б. А. Рыбаков считает имена «венеты», «венеда» собирательным названием славян. См. Б. А. Рыбаков. Исторические судьбы праславян. — «История, культура, этнография и фольклор славянских народов». М., 1978, с. 187; В. В. Мавродин. Указ. раб., с. 33; А. Г. Кузьмин. Заметки историка об одной лингвистической монографии. — «Вопросы языкознания», 1980, № 4, с. 55.

⁷¹ Д. А. Мачинский. Указ. раб., с. 95.

⁷² «Patrologiae cursus completus. Series graeca», t. 38. Paris, 1862, colonne 985.

⁷³ Иордан. Указ. раб., с. 71, 72, § 34.

⁷⁴ О соответствии *piri* — гепиды см. у P. Vacry (Budapest). Das Erscheinen der Slawen in der Donauländer. Доклад на международном конгрессе славистов в Софии в 1963, рукопись.

⁷⁵ «Istoria României», I, p. 700, 704, 705, 708, 711.

⁷⁶ В. В. Мавродин. Указ. раб., с. 32.

⁷⁷ Л. Нидерле. Указ. раб., с. 38.

⁷⁸ Н. Lowmianski. Pocatki Polski. Warszawa, 1963, s. 181.

271 г. н. э.) показанные на листе города римской Дакии: Апулум (Алба Юлия), Напока (Клуж), Поролиссум⁷⁹ (Мойград). Но не отражено расселение в регионе готов⁸⁰, происшедшее в первой половине III в. н. э. Если предположить, что на карту нанесены города и территории расселения всех вышеперечисленных племен, живших в низовьях Днестра и Дуная в одно время, то окажется, что на интересующем нас листе показана этногеографическая ситуация середины — конца III в. н. э.

Итак, контакт между венедами-праславянами и готами-тервингами происходил в III—IV вв. н. э. там, где обитали последние, — в Нижних Подунавье и Поднестровье, в низовьях Прута и Сирета⁸¹.

Контактировали праславяне с латиноязычным населением на периферии Римских провинций с середины III в.: на границах Дакии и Нижней Мезии, в долинах Нижнего Дуная и Муреша, к востоку от реки Олт, при этом использовались восточнокарпатские перевалы, и т. д.

Этот контакт до V—VIII вв. мог продолжаться в долине Нижнего Дуная, а также на границах бывших провинций, в пределах которых сохранилось главным образом романизованное население.

Но какова была интенсивность праславянского (венедского) расселения в левобережье Нижнего Дуная? Решение этого вопроса требует привлечения данных археологии.

Некоторые исследователи материализованным воплощением контакта праславян с Римом считают всю черняховскую культуру конца II—IV вв. н. э.⁸² Так ли это? Есть ли в ней праславянский компонент и каков его объем? Ответить на этот вопрос можно, сопоставив памятники черняховской культуры с раннеславянскими V—VII вв. н. э. низовьев Днестра и Дуная. Результаты сравнения показали, что между черняховскими и праславянскими могильниками существует коренное различие. Однако в ритуале захоронений в черняховских и раннеславянских могильниках наблюдается сходство: господствуют трупосожжения в урнах. Среди лепной керамики черняховцев и праславян есть сходные типы: таковы горшки, наибольший диаметр которых приходится на середину или верхнюю часть тулова. Выделяя эти одинаковые черты, подчеркну, что в отличие от праславянских памятников в черняховских эти элементы разрозненны и не интегрируются в венедскую культуру. Они тонут в массе черт культур, не связанных с праславянами — венедами⁸³, которые особенно хорошо известны по археологическим данным, полученным при работах в верховьях Прута⁸⁴.

Аналогичные результаты получены при сопоставлении антропологического материала с кладбищ черняховской культуры и древнерусского могильника X—XI вв. Бранешты (все в Поднестровье, т. е. у восточной границы региона). Между этими памятниками существует глубокое различие, что позволило констатировать отсутствие генетической преемственности между населением черняховского времени и славянами и считать последних пришлыми на территории Поднестровья⁸⁵.

По лингвистическим данным, интенсивность романо-праславянского языкового взаимовлияния в первых веках н. э. была невысока⁸⁶.

⁷⁹ «Istoria României», I, p. 363, 366.

⁸⁰ М. Б. Шукин. Указ. раб., с. 77.

⁸¹ М. А. Тиханова. Готы в причерноморских степях. — «Очерки истории СССР». М., 1958, с. 132; А. М. Ременников. Вестготы и Римская империя накануне нашествия гуннов. — «Вестник древней истории», 1967, № 1, с. 95—106.

⁸² Б. А. Рыбаков. Исторические судьбы праславян, с. 185; *его же*. Геродотова Скифия. М., 1979, с. 228; В. И. Бидзиля. Венеды (по данным письменных источников и археологии). — «Тезисы докладов советской делегации на III международном конгрессе славянской археологии». М., 1975, с. 7.

⁸³ Э. А. Рикман, И. А. Рафалович. К вопросу о соотношении черняховской и раннеславянской культур в Днестровско-Дунайском междуречье. — «Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР», в. 105. М., 1965, с. 42—58; Э. А. Рикман. Некоторые традиции черняховской культуры в памятниках VI—X вв. в низовьях Днестра и Дуная. — «Исследования по истории славянских и балканских народов». М., 1972, с. 29—45.

⁸⁴ И. П. Русанова, Б. А. Тимошук. Особенности культуры пражского типа в верховьях Прута. Доклад на симпозиуме ученых социалистических стран по проблеме «Этногенез славян» 20—25 ноября 1978 г. в г. Киеве.

⁸⁵ М. С. Великанова. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М., 1975, с. 107.

⁸⁶ Н. Д. Раевский. Указ. раб., с. 73.

Данные письменных и прочих источников о праславянах в исследуемом регионе скудны. Но из этого не следует, как полагает В. В. Седов, что праславяне в изучаемом регионе вообще до VI в. не обитали.

Выявляя праславян в рамках черняховской культуры II—IV вв. н. э., В. В. Седов опирается на наличие в ее памятниках элементов пшеворской (висленского праславянского варианта) и зарубинецкой культур — в погребальном ритуале, керамике, домостроительстве⁸⁷. Он полагает, что праславяне входили в состав населения, представленного черняховской культурой только Подольско-Днепровского региона. Освоение Подунавья праславянами началось, по его мнению, только с VI в. н. э. Исследователь отмечает, что пшеворско-славянские элементы довольно равномерно рассеяны по территории распространения черняховской культуры. Наблюдаются они, в частности, в Нижнем Подунавье. Таковы могильники Тыргшор, Данчены, погребальные сосуды из которых прошли вторичный обжиг — черта пшеворской культуры⁸⁸.

Поэтому по данным археологии, приведенным мною выше, и с учетом показаний других источников левобережное Нижнее Подунавье было в какой-то мере зоной обитания праславян уже с середины III в. н. э. Массовое же расселение этого народа в регионе произошло в VI в. н. э.

---

⁸⁷ В. В. Седов. Происхождение и ранняя история славян, с. 78—100.

⁸⁸ G. Diaconu. Probleme ale culturii Sîntana-Cerneahov pe teritoriul R. P. în lumina cercetărilor din necropola de la Tîrgşor.— «Studii și cercetări de istorie veche», t. XII, № 2, 1861, p. 279, 281; И. А. Рафалович, В. Л. Лапушнян, В. М. Дунавина. Исследование могильников у с. Данчены.— «Археологические открытия 1975 г.», М., 1976, с. 474, 475; И. А. Рафалович, В. Л. Лапушнян, В. С. Бейлекча, В. А. Дергачев. Исследования Данченского могильника.— «Археологические открытия 1976 г.», М., 1977, с. 458.